

О. А. СУХАРЕВА

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ *

Одной из важнейших проблем советской этнографии является этнографическое изучение современной жизни народов. В этнографии, как и в других исторических науках, совершился поворот к изучению современности под воздействием прямых указаний Коммунистической партии, направившей исследования историков на разрешение самых актуальных научных вопросов, наиболее важных для насущных практических нужд культурного строительства.

Изучение современности потребовало от этнографов высокой теоретической подготовки, определения и уточнения новой тематики, разработки соответствующей методики исследований. В момент Всесоюзного этнографического совещания 1951 г. мы стояли еще в начале этого пути, и хотя проблемы этнографического изучения современности уже заняли на этом совещании почетное место, опыт в их разработке был очень незначителен. Другое дело теперь, когда мы имеем возможность подвести итоги некоторых крупных работ, опубликованных или находящихся в стадии завершения.

Основной проблемой, за разрешение которой взялись этнографы в осуществление новых задач, явилась проблема путей социалистического преобразования быта колхозного крестьянства как нового, впервые появившегося на исторической сцене класса социалистического общества. Обращение в первую очередь к изучению культуры и быта колхозного крестьянства не случайно. Прежде всего следует отметить актуальность этой проблемы. Хотя разительные перемены произошли в культуре и быте всех слоев советского народа, нигде они не представляют собой такого контраста со старой дореволюционной жизнью, как в деревне, отличавшейся раньше особой отсталостью. Сопоставление быта дореволюционного и современного крестьянства ярко рисует все значение Октябрьской революции, в особенности для народов Средней Азии, у которых, при слабом развитии промышленности, а следовательно и пролетариата, крестьянство представляло собой основной класс населения; говорить здесь о широких народных массах в дореволюционный период — значит говорить прежде всего о крестьянстве.

Одной из самых актуальных является проблема изучения крестьянского быта и для советского времени. Важно изучение передовых форм культурно-бытового строительства, изучение мешающих культурному росту вредных пережитков прошлого, в борьбе с которым происходит утверждение всего нового, прогрессивного в жизни современного колхозного крестьянства. Последние решения ЦК КПСС и Советского правительства о развитии животноводства должны направить внимание этно-

* Доклад на совещании по вопросам археологии и этнографии Средней Азии, проходившем в Москве 27—29 апреля 1955 г.

графов и на проблемы, связанные с жизнью среднеазиатских животноводов, быт которых, так же как и условия производства, в силу специфики последнего, еще отстает в своем развитии от быта земледельцев, в особенности хлопководов.

Изучая процессы нового быта и новой культуры колхозного крестьянства, мы по существу изучаем проблему перехода народов Средней Азии от феодализма и пережитков патриархальщины непосредственно к социализму, минуя стадию капиталистического развития. Эта проблема имеет громадный теоретический интерес в общеприродном плане и в то же время исключительно важна практически для тех народов зарубежных стран, которым еще предстоит пройти или которые проходят этот путь от докапиталистических отношений к социализму. Изучение современного состояния колхозного крестьянства является в конечном счете изучением типичных, отлившихся в своеобразные национальные формы элементов жизни и быта, которые готовят условия для перехода от социализма к коммунизму. Этими важнейшими проблемами определяются и задачи этнографического изучения колхозного крестьянства. В своих исследованиях этнографы должны показать процесс сложения в среднеазиатском кишлаке, в различных природных, хозяйственных и исторических условиях, новых, социалистических отношений, процесс ликвидации на их базе классовых отношений. Задачей этнографов является анализ процесса превращения отсталого дореволюционного дехканства в передовое колхозное крестьянство, анализ процесса ликвидации противоположности и изживания существенных различий между городом и деревней, показ культурной революции в деревне, выявление национальной специфики, нашедшей отражение в бытовом укладе жизни колхозников. Этнограф должен дать полное и красочное отображение жизни крестьянства во всем ее национальном и локальном своеобразии. Эти задачи, глубоко осознанные этнографами, лежат в основе проводимой ими работы по изучению колхозного крестьянства.

Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии в настоящее время проводится в трех направлениях: монографическое изучение одного типичного передового колхоза; изучение истории, культуры и быта ряда колхозов с разным этническим составом населения; исследование отдельных тем.

Основным из них является пока первое. Задаче монографического изучения одного крупного колхоза посвящено большинство опубликованных работ, в том числе обе вышедшие монографии: «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства»¹ и «Прошлое и настоящее селения Айкыран»². В этом же плане проводится работа в Киргизии; на материале одного передового колхоза построена в основном и большая статья Я. Р. Винникова о культуре и быте туркменских колхозников³, так же как и краткая публикация им этого материала еще в 1950 г.⁴

Монографическое изучение колхозов было обусловлено необходимостью при переходе к новой проблематике разносторонне охватить изучаемые явления для выяснения наиболее важных и актуальных вопросов, которые могут быть изучены на этнографическом материале. Для того, чтобы правильно поставить исследование и глубоко войти в основные проблемы истории и современного положения колхозного крестьянства — без чего немислимо и его этнографическое изучение, — необходимо было исследовать все стороны жизни одного или нескольких населенных пунктов, жители которых тесно связаны друг с другом в хозяйственном и бытовом отношении.

¹ «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXIV, М., 1954.

² Академия наук Узбекской ССР, Институт истории и археологии, Ташкент, 1955.

³ См. «Среднеазиатский этнографический сборник», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXI, М., 1954.

⁴ См. «Советская этнография», 1950, № 1

Постановка в первую очередь монографического изучения колхозов диктовалась и соображениями методического порядка: такой характер следования обусловил организацию длительных стационарных работ обеспечивающих хорошее знакомство с жизнью данного колхоза и колхозников, глубокое проникновение в их интересы и внутренний мир. Достигнуть всего этого при охвате исследованием многих объектов, конечно, значительно труднее, особенно при отсутствии опыта в работе новой проблематике. Не случаен был и выбор объектов исследования типичных передовых колхозов, где складываются наиболее характерные для современного колхозного крестьянства условия производства быта, благоприятные для развития социалистической культуры.

Конечно, ни одна из опубликованных и готовящихся к печати работ еще не сумела полностью осуществить сформулированные выше многочисленные и сложные задачи. Это может быть достигнуто лишь в результате ряда исследований, общими усилиями.

Изданные монографии являются результатом работ 1950—1954 гг. В них получил отражение обширный круг вопросов: история селения, история сложения и укрепления колхоза, современное состояние его экономики, бытовые условия жизни колхозников, их духовная культура, семейная и общественная жизнь. Взяв на себя почин в этом деле, этнографы Академии наук СССР, Таджикистана и Узбекистана выполнили трудную задачу, попытавшись найти путь этнографического изучения колхозного крестьянства и разработать соответствующую методику. Остановившись, в порядке обобщения опыта по изучению колхозного крестьянства, нескольких основных моментах, нашедших свое отражение в обеих монографиях и во многих статьях.

Опубликованные монографии в той или иной степени освещают проблемы истории селения, на базе которого образовался колхоз, охватывая как историю советского времени, так и более ранние ее этапы, вплоть до древнейших. Наличие на территории колхозов археологических памятников, изучение топографии, топонимики и народных преданий, привлечение исторической литературы,— все это позволяет поставить вопрос об истории сложения культуры в изучаемом районе. В монографии о узбекском колхозу ставится также вопрос о происхождении населения района, для чего дается — весьма, впрочем, неспециальный — анализ географии и привлекаются данные топонимики и исторические предания. Заключен вопрос: нужно ли в работе, посвященной передовому колхозу углубляться в ранние этапы истории? Мне кажется, что если это и не обязательно, то во всяком случае желательно, так как позволяет нарисовать картину постепенного, начиная с древности, освоения и использования природных возможностей, показать, что только в условиях социалистического общества народ смог завершить свой многовековой труд, используя высокую современную технику. Нет причин отказываться от освещения ранних этапов истории селения, если в руках этнографа оказываются соответствующие материалы, полученные им при полевых работах: решения или хотя бы постановка вопросов древней и средневековой истории играя в монографии о колхозе служебную, второстепенную роль, способствует обогащению научного содержания работы. Конечно, для правильного анализа таких материалов необходима консультация, а иногда и прямая помощь специалистов — историков и археологов, но, как правило, организация такой помощи в наших условиях не представляет затруднений.

Очень важен для изучения истории селения в дооктябрьский период вопрос о жизни народа до и после присоединения Средней Азии к России. Рассмотрение его позволяет выявить прогрессивное, положительное влияние этого факта на жизнь народных масс. Изменения, происшедшие после присоединения, показаны, хотя и неполно, без необходимых исторических выводов, в монографии о таджикском колхозе; посвященны

этому периоду страницы являются одним из самых интересных мест ее первого раздела. В монографии об узбекском колхозе важная проблема осталась вне поля зрения авторов, которые, к сожалению, не сумели своевременно поставить этот вопрос и разыскать необходимые материалы. Важность и перспективность этнографического изучения этой проблемы стали им ясны лишь при работе над соответствующим разделом «Истории Узбекской ССР».

В дальнейших работах необходимо уделить этой проблеме особое внимание.

Для понимания жизни народных масс до Октября большое значение имеет анализ хозяйственной деятельности населения в тесной связи с производственными отношениями, определявшими собой классовый строй общества, систему эксплуатации и классовую борьбу в кишлаке. Мы считаем этот вопрос важнейшим для понимания как положения народных масс до революции, так и преобразований, в корне изменивших жизнь народа за годы Советской власти. Соответственно этому разделам «Занятия населения», «Формы землевладения» и «Социальные отношения» уделено в узбекской монографии очень большое место. Коллектив авторов таджикской монографии отказался от углубления в эти вопросы, ограничившись самым беглым и поверхностным их упоминанием; между тем эти важные вопросы, зачастую недостаточно освещаемые историческими источниками, могут быть хорошо изучены по этнографическим материалам. Сообщения современников событий недавнего прошлого раскрывают те конкретные формы, в которые выливались в данном районе производственные отношения, как правило, не оформлявшиеся в Средней Азии документами. Этнографический источник позволяет выяснить все оттенки аграрных отношений, определить особенности хозяйства данного района, в частности выявить, с одной стороны, норму земельного участка, способного прокормить среднюю семью и поглотить ее трудовые ресурсы, с другой, — размер землевладений, делающий возможной эксплуатацию чужого труда.

Выяснение этих вопросов важно не только для понимания положений трудового народа до Октября, но и для понимания по крайней мере всего первого десятилетия советского периода, когда жизнь сельского населения еще определялась борьбой между старыми производственными отношениями и новым, социалистическим строем.

Неясности, неточности в деталях социальных отношений приводят иногда к крупным ошибкам, порождают превратные представления, находящие отражение в научных работах. Такого рода ошибка была допущена, например, в макете одного крупного коллективного труда. По словам автора одного из разделов, дехкане, «владевшие 3 десятинами земли, прибежали, как правило, к издольной аренде (чайрикерству) у крупных землепользователей. Хозяйства же, владевшие наделами свыше 7 десятин, сдавали их в аренду частично или полностью». На деле же 3 десятины, при низкой ручной технике, были высшей нормой трудового землепользования в орошаемых районах. Такой участок земли семья могла обработать своим трудом лишь при условии наличия в ней по крайней мере двух трудоспособных мужчин. Семь десятин земли составляли уже норму полностью нетрудового хозяйства. Относя обладателей 3 десятин к беднякам, а обладателей 4—7 десятин к середнякам, автор исказил истинную картину жизни кишлака, дал неправильное представление о классовых отношениях. Этнографические данные помогают уточнить этот вопрос. Уточняют они и очень важный для понимания феодальных отношений в Средней Азии вопрос о различных формах издольной аренды. Известно, что условия труда издольщиков определяются историками Средней Азии главным образом на основании этимологии терминов. Что это не всегда может оказаться правильным, доказывает обнаруженный этнографическим

исследованием в Айкыране факт несоответствия этимологии термина и обозначаемых им отношений: «сеяк» был там издольщиком, получавшим не $\frac{1}{3}$, как можно предполагать по буквальному смыслу термина, а $\frac{1}{4}$ выращенного им урожая.

К сожалению, приходится отметить, что исторический раздел таджикской монографии не содержит точных фактов, четких положений, обоснованных оценок по вопросам социальных отношений дореволюционного и доколхозного периодов в истории изучаемого селения. Ни различные формы издольной аренды, ни ростовщический характер ссуды продуктами, ни обложение налогами в Кокандском ханстве, ни остатки общинного землевладения, — все эти интереснейшие вопросы, затрагиваемые в разделе, не нашли здесь ясного и точного освещения. Так, например очень мало разъясняет положение эксплуатируемых масс следующее утверждение: «Фактически часто чайрикер получал... меньше половины урожая, особенно, если бай предоставлял ему инвентарь, тягловую силу а также семена. В таких случаях доля чайрикера составляла $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ часть урожая»⁵. В примечании сказано: «В Кыстакозе обычно различали чайрикера от селккора... к первым относились молодые работники не вошедшие еще в полную силу, ко вторым уже полноценные работники»⁶. На самом деле существовала четкая, выработанная веками система по которой за предоставление тех или иных средств производства взималась определенная доля урожая. За землю издольщик отдавал половину; за землю, скот, орудия и семена обычно — $\frac{2}{3}$, а если добавлялось питание от хозяина для самого работника, издольщик отдавал $\frac{4}{5}$ урожая. Возраст работающего при такой системе не мог иметь значения. Так как вся работа и вся ответственность за урожай целиком передавались в руки издольщика, им и не мог быть слишком молодой, неполноценный работник. Точно так же неточно и неправильно утверждение, что до Худояр-хана харадж взимался в размере $\frac{1}{10}$ урожая, а Худояр-хан увеличил его до $\frac{1}{5}$. Это утверждение вызвано, повидимому, недоразумением: харадж в размере $\frac{1}{10}$ части урожая взимался с неполивных земель, в размере $\frac{1}{5}$ — с поливных. Если верно, что изменение хараджа имело место за указанный период, то, очевидно, оно было связано с превращением неорошаемых земель в орошаемые. Наконец, приводимый автором раздела интереснейший факт о переходе общинных земель в частную собственность, т. е. по существу о захвате их богачами, не получил должной оценки, вопрос об общинном землевладении не поставлен совсем, а пути перехода общинных земель в частную собственность показаны неточно.

То, что в таджикской монографии история подана столь бегло и поверхностно, обусловлено, повидимому, нежеланием или неумением автора раздела углубить эти вопросы. Мы знаем Н. А. Кислякова как автора нескольких интересных работ, посвященных специально социальным отношениям. Дело в установке, принятой коллективом, не поставившим достаточно четко этот вопрос в программу своих работ. А между тем глубокое освещение в этнографической работе о колхозе вопросов истории селения в предреволюционный период необходимо для правильного понимания процесса сложения в нем отношений социалистических.

Если важно этнографическое исследование дореволюционных социальных отношений, то еще более важной задачей монографий, посвященных колхозам, является исследование процесса формирования социалистических отношений, борьбы за их торжество в конкретных условиях данного селения, конкретного отражения этих процессов в быту народных масс. Нельзя, например, в таком исследовании обойти земель-

⁵ «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», стр. 28.

⁶ Там же.

но-водную реформу, историю вовлечения дехканства в различные виды кооперации, открывшей прямой путь к колхозам. Эти события довольно скудно освещаются письменными источниками, состоящими в подавляющем большинстве из официальных циркуляров, постановлений и отчетов. Почетной задачей этнографов является восстановление яркой картины революционного преобразования жизни дехканства, раскрытие борьбы, происходившей в то время в сознании различных слоев крестьянства, лишь постепенно пробуждавшегося к активному участию в социальной революции. В таком исследовании в полной мере проявятся все специфика этнографического источника, позволяющего показать событие изнутри, с точки зрения различных представителей изучаемого народа, нарисовать событие вместе с бытовыми деталями, показать не только что происходило, но и как это происходило в его конкретном местном и национальном своеобразии. В обществе, где нет антагонистических классов, отношения между людьми, связанными общей работой, определяются как отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, направленные к решению общих задач, в котором заинтересовано как все общество в целом, так и каждый его член. Поэтому одним из важных вопросов исследования колхозного крестьянства является вопрос об организации общественного труда, об отношениях, которые складываются между всеми его участниками, в частности, вопрос о формах внутриколхозной демократии — основы политического и культурного развития колхозников. Этнографические данные позволяют осветить эти вопросы очень полно и ярко.

Следует признать, что вопрос о социалистических отношениях в конкретной колхозной действительности не поставлен и не решен ни в таджикской, ни в узбекской монографиях. Все значение этой проблемы и пути ее решения в этнографическом труде стали ясны лишь после завершения исследования. Это вызвало постановку в Узбекистане специально, теперь уже оконченного исследования Р. Якубовой по истории формирования социалистических отношений, которое было проведено на базе другого колхоза.

Следующий заслуживающий внимания вопрос — это вопрос о месте, которое должно занимать в монографическом исследовании освещение хозяйства. Ясно, что в такой работе нельзя не коснуться хозяйственных достижений колхоза, составляющих базу для развития культуры. Однако правильная постановка и правильное освещение экономических вопросов — задача, для неспециалиста трудная, а подчас и непосильная, тем более, что мы еще не имеем перед собой образцов таких работ в виде специальных монографий, подготовленных экономистами.

Поэтому в узбекской монографии мы ограничились краткой характеристикой хозяйства колхоза, содержащей лишь основные его показатели. В таджикской монографии хозяйственной деятельности колхоза посвящен специальный раздел, который рисует картину производства, имеющего своеобразные формы, хотя и определяющегося современными методами ведения тех или иных отраслей сельского хозяйства. Очень интересен раздел «Организация труда в колхозе», показ производственного быта бригады, изживания суеверий в шелководстве, ряд мелких бытовых деталей, верно подмеченных и хорошо описанных автором. Очень обогащает раздел прекрасно использованный материал по сельскохозяйственной терминологии. Автор сумел ввести в раздел описание традиционных земледельческих приемов, что имеет историко-культурный интерес.

Однако при всех этих несомненных достоинствах раздел о хозяйстве, написанный неспециалистом, носит на себе следы недостатка у его автора специальных экономических знаний, вследствие чего им допущен ряд ошибок. При обсуждении монографии в Отделе этнографии Института

истории и археологии Академии наук Узбекской ССР раздел этот подвергся суровой, но в основном справедливой критике со стороны экономистов. Они правильно упрекали его автора за то, что он, задавшись целью показать хозяйственную деятельность крупного колхоза, оснащенного новой техникой и ведущего свое хозяйство по-новому, основное внимание уделил старым, отжившим приемам, иногда даже поднимая их при этом на щит. Так, описывая обработку засоленных участков с высоким стоянием грунтовых вод, автор прямо пишет, что здесь «современная механизация исключается», что все работы должны производиться тяглом, преимущественно омачем, так как, по мнению автора, подсказанному ему информаторами, здесь нельзя применять не только тракторный, но и обыкновенный плуг. Если встать на эту точку зрения, придется признать невозможным освоение громадных пространств таких засоленных земель. А между тем в наши дни они успешно осваиваются путем применения целого комплекса специальных приемов, причем обрабатываются только машинами. Что же касается омача, то он применяется в колхозном хозяйстве лишь в редчайших случаях. Автор раздела, несомненно, знает что применение омача в колхозе — явление не типичное, случайное, что колхозная техника земледелия определяется не им, а машинами. Выпав на первый план старые приемы, по существу закрыв глаза на то, что характерно для колхоза сегодня, он исказил действительность, представил ее убогой, отсталой. Он только кратко упомянул — именно упомянул, а не изобразил — те черты, которые, действительно, характерны для хозяйства колхоза, которые объясняют его производственные успехи и быстрый рост колхозных доходов.

Положение значительно ухудшено подбором иллюстраций, также отражающих преимущественно нетипичные для сегодняшнего колхоза сюжеты: прополка плохеньких посевов лука, вспашка омачем и малование неудобных участков сада, кетмень, ручка которого производит впечатление неуманной, и т. д. На фотографиях показаны остальные приемы обработки почвы: окучка хлопка вручную, широкие междурядья, хотя именно этот район Таджикистана был родиной нового, получившего общее признание приема — сева хлопчатника суженными междурядьями.

В разделе немало положений, показывающих, что автор не разбирается в вопросах экономики и агротехники современного сельского хозяйства. Он говорит, например, о продукции люцерноводства в колхозе, называя мизерную цифру сбора в 19,5 ц с гектара, которую он считает «сравнительно невысокой», в то время как в Узбекистане низкий считается урожай в 60—70 ц с гектара. Автор называет «опытом» пересадку взрослых деревьев с целью создания больших карт полей для машинной обработки и ставит этот «опыт» в заслугу колхозу, хотя это мероприятие проводится в осуществление правительственного постановления.

Приведенные примеры свидетельствуют, что этнографам, изучающим жизнь сельского населения, необходимо, во-первых, показывать самое характерное для сегодняшнего состояния хозяйства колхозов, а во-вторых, либо приобрести специальные познания по экономике и агротехнике сельского хозяйства, либо отказываться от исследования хозяйственных вопросов, предоставив это экономистам. Узбекские этнографы пока пошли по этому второму пути.

Следующий важный вопрос этнографического изучения колхозного крестьянства — это вопрос о семье. Исследование семьи является одной из специально этнографических проблем, которые никогда не решались и не будут решаться без участия этнографов. Сейчас одной из основных задач сделалось исследование современной советской семьи, в том числе и семьи колхозной, имеющей своеобразные черты, порожденные условиями жизни и производства в колхозе. Эти черты связаны с тем, что

в колхозном производстве принимает активное участие вся масса женщин. Участие в общем колхозном труде всех взрослых членов семьи — и мужчин и женщин, большой самостоятельный заработок, который имеет в колхозе каждый работающий, создали условия для подлинного раскрепощения женщины, для освобождения от гнета патриархальщины младшего поколения семьи, которое раньше оставалось под властью отца, зависело от него материально.

Задача показа современной колхозной семьи, на мой взгляд, успешно выполнена и в узбекской (автор раздела М. А. Бикжанова), и в таджикской монографиях. В таджикской монографии раздел «Домашняя и семейная жизнь» принадлежит к наиболее удачным. Он содержит живое и точное описание бытовых условий жизни колхозников, тонко наблюдаемых проявлений новых отношений между мужчинами и женщинами, родителями и детьми. Эти новые отношения хорошо показаны автором на множестве мелких, но убедительных штрихов, на примере супружеских пар, в разрез со старыми обычаями идущих по улице рядом, на диалоге между родителями и дочерью. Как много свежего, здорового в описанных автором раздела отношениях между юношами и девушками — товарищами по школе или в описании семейного праздника — приема молодых родителями новобрачной!

Однако и здесь слишком много внимания уделено старым формам быта. Особенно сказалось это в подборе иллюстраций. Тяжелое впечатление производит дважды показанный убогий очаг, убогая печь, примитивнейшая ручная крупорушка, которая осталась в современной жизни как печальный памятник прошлых дней. Читатель не видит в книге новых домов колхозников, слабо показана их обстановка, новые предметы, во множестве проникшие в колхозный быт. Не видит он и колхозников в современном советском костюме, — а между тем он очень типичен для современных селений.

Вызывает сомнения трактовка автором вопроса о форме семьи в прошлом. Верно ли, что «до конца прошлого столетия в Кыстакозе сохранялось еще очень значительное число семей, в которых женатые сыновья не выделялись из хозяйства до смерти отца и были во всем от него зависимы» и что в дальнейшем «темпы распада больших семей очень ускорились»? Не точнее ли будет сказать, что неразделенная семья, включавшая два поколения, была до революции и даже позже основной формой семьи в Кыстакозе, как и в других районах Ферганской долины и — шире — всей Средней Азии? Все наши материалы говорят о том, что если и были раньше выделы сына при жизни отца, то лишь как редчайшие исключения. Только колхозный строй, обеспечив действительную экономическую независимость молодежи, создал условия для массового изживания большесемейного уклада. Если утверждать, что этот вопрос уже был решен ходом истории до революции, как понять тот процесс ломки старых устоев и сложения новых норм семейной жизни, который происходит (и не безболезненно) сейчас в республиках Средней Азии? Несмотря на наличие специального исследования о семье у таджиков, вопрос о времени, когда основной формой семьи у среднеазиатских народов сделалась малая отдельная семья, пока еще нельзя считать решенным.

Говоря об исследовании семьи, необходимо поставить вопрос о пережитках, которые, как известно, дольше всего держатся именно в семье, в семейных отношениях — области, мало доступной постороннему глазу, но ощутительно влияющей на производство и общественную жизнь. Этнограф должен вскрывать черты отсталости, которые могут сохраниться в той или иной семье, давать им оценку с точки зрения интересов социалистического общества. Это возможно лишь при глубоком ана-

⁷ «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», стр. 162.

лизе наблюдаемых фактов, критическом к ним подходе. Иначе может случиться, что этнограф, сам того не желая, возьмет под защиту то, что не должно получить одобрения. Пример некритичного отношения к сообщаемому факту можно видеть в не так давно опубликованной статье С. М. Абрамзона⁸, где в весьма положительных тонах описывается семья колхозника Усупа Джээнбаева; а между тем изложенные факты свидетельствуют о наличии в этой семье тяжелых пережитков прошлого. Как видно из состава дохода семьи за 1951 г., в колхозе работали только мужчины — отец и женатый сын, живущие общим хозяйством. И пяти женщин — жены Усупа, его невестки и трех дочерей (повидимому, взрослых, так как они не учатся в школе) — в колхозном производстве участвовала лишь самая старшая из них, заработав всего 35 рублей.

Вместо оценки этого факта как свидетельства о наличии в семье отсталых отношений, в следующем абзаце автор говорит об установлении правильного положения мужчин и женщин. Таких неправильных оценок нет в посвященном семье разделе таджикской монографии. Но в ней вопрос о пережитках поднят лишь декларативно, и это придало ему характер некоторой пассивности.

За недостатком места я не буду затрагивать здесь тему духовной культуры колхозников. Показ изживания былого культурного неравенства города и деревни имеется в обеих монографиях, что неудивительно, так как колхозная жизнь представляет богатейший материал для подтверждения этого положения. Можно только пожелать дальнейшего углубления исследований в этой области, отведения им в монографиях, посвященных колхозам, большего места. Остановлюсь только на вопросе о людях колхоза. Люди являются основным источником этнографических материалов. Этнографы при полевой работе близки к ним, сталкиваются, узнают их судьбу, проникают в их внутренний мир. Поэтому на этнографе лежит особая ответственность за то, чтобы его современники, представители изучаемого им народа, были показаны в своем индивидуальном и национальном своеобразии. Лучшие традиции русской этнографии завещали нам любовное, уважительное отношение к личности человека, внимательное отражение ее в этнографических исследованиях. Нарисовать живые портреты типичных представителей колхозников, раскрыть пути их становления и роста, выяснить историю их отцов и дедов — является одной из важных задач этнографического изучения современности. Ее выполнение дает в руки этнографа ценные, достоверные исторические факты, придает его работам этнографическую специфику.

Существенным моментом в наших работах, посвященных современности, являются иллюстрации. Следует особо подчеркнуть необходимость тщательного, продуманного отбора сюжетов, которые мы хотим показать наглядно. В иллюстрациях перед читателем должно вставать все наиболее типичное, имеющее наибольшую важность, наилучшие перспективы развития в сегодняшнем и даже в завтрашнем дне наших колхозов. Фотография, помещенная в книгу, — это документ, весьма сильно воздействующий на читателя, рассказывающий о фактах и показывающий ему то, что автор захотел выделить как главное. Иллюстрации в таджикской монографии подобраны в большинстве неудачно. Этнографы, видевшие колхозы своими глазами, без особого труда внесут коррективы и дополнения в картину, рисуемую подобными иллюстрациями, но некоторые читатели могут составить неправильное представление о колхозе. Недостаточно хорошо были проведены фотосъемки и коллективом изучавшим узбекский колхоз. Участники работы не сразу поняли, на чем следует фиксировать внимание, а когда разобрались в этом впоследствии

⁸ С. М. Абрамзон, Опыт монографического изучения киргизского колхоза «Советская этнография», 1953, № 3.

уже не нашли нужных материалов в своих архивах. Фотографирование должно занять в этнографических работах особое место, к нему нужно тщательно готовиться, приступать к нему не в начале, а в конце работы, когда будет выяснено все наиболее важное и характерное.

* * *

Подводя итоги нашему обзору, нужно сказать об одном важном, определившем отличительные черты обеих монографий моменте, который, вероятно, будет проявляться и в последующих работах. Речь идет о тех установках, из которых исходили оба коллектива и которые проистекали из понимания ими задач этнографии как науки.

Выше были перечислены те основные проблемные вопросы, разрешить которые призваны этнографические исследования жизни колхозников. Эти вопросы ставили перед собой и по мере сил решали авторы обеих работ. Однако в постановке ими исследований проявляется некоторое различие. Авторы узбекской монографии, работая в составе Института истории и археологии АН Уз. ССР и находясь в коллективе историков, в основном делали упор на первую часть указанной нами проблематики — ставили перед собой в первую очередь общеисторические проблемы. В таджикской монографии заметен чисто этнографический уклон, недостаток внимания к историческим вопросам, сосредоточение всего внимания на выявлении культурных традиций и национальной специфики. Это направление вытекает из слишком узко понятого определения задач и специфики этнографии как науки, которое было дано ведущими работниками. «Выявление этнической специфики, национальных особенностей культуры того или иного народа — вот в чем мы видим характерную черту этнографического исследования», — писал С. П. Толстов в своей статье «Основные задачи и пути развития советской этнографии»⁹. Этнографы Узбекистана, принимая эту установку, считают, что этнография как историческая дисциплина призвана участвовать в изучении всех тех вопросов истории, которые можно с успехом разрабатывать по этнографическим источникам. Естественно, что при пользовании этнографическими источниками, всегда отражающими через индивидуальную специфику информатора специфику нации или этнической группы, неизбежно выявляются национальные особенности и национальные формы изучаемой этнографом культуры. Понимая национальные особенности слишком узко, этнограф неизбежно скатится при изучении современности к подчеркиванию всего старого, традиционного. Это произошло с авторами таджикской монографии, которые, поставив перед собой в качестве основной задачи «выявление этнической специфики, национальных особенностей культуры», оставили за скобками явления общесоветской культуры. А между тем эта культура формируется на наших глазах, имея не только общее социалистическое содержание, но и некоторые общие формы, которые принимаются многими народами, раньше их не имевшими: городская одежда, городского типа жилище, полифоническая музыка, станковая живопись и скульптура сейчас вошли в быт среднеазиатских народов и с полным правом могут считаться проявлением их национальной культуры на новом ее этапе. Этой новой культурой овладевает весь народ, который делает выбор между ее различными формами, вносит в них изменения, придает им свой колорит, выражает их на своем родном языке. Общая для всех советских народов социалистическая культура в ее многообразных проявлениях создается из элементов культуры всех советских народов. И если видное место в ней принадлежит элементам русской или пришедшим через русскую элементам той или иной зарубежной культуры, — то это является закономерным, определяется ролью великого русского народа

в исторических судьбах всех народов Советской страны и в развитии мировой культуры. Стремление отметить и исследовать лишь узконациональные формы культуры, проявившееся у авторов таджикской монографии может привести (и уже привело) к фиксации внимания не на самом важном, самом передовом, а на тех пережиточных и уже изживающихся формах национальной культуры, которые не определяют собой культуру современных колхозников. Представляя иногда большой интерес в культурно-историческом или этногенетическом плане, они должны занимать второстепенное место в исследованиях, посвященных нашей многогранной и богатой современности.

Каковы перспективы дальнейших работ по изучению колхозно-крестьянства, в том числе и работ монографического плана?

Многообразие природных условий и сложный состав населения Средней Азии, экономическая и культурная замкнутость в недалеком прошлом отсталых районов делают необходимым исследование колхозного крестьянства у самых различных народностей и этнических групп так же как и в различных районах страны. Только совокупность таких исследований обеспечит действительно полное освещение жизни народных масс до и после Октября.

Монографические исследования следует проводить и в дальнейшем охватывая другие, пока не исследованные части страны, другие колхозы. Проведенные работы показали, что даже при одинаковых целях исследований, они, в силу специфики местных условий, а также в силу индивидуальных особенностей авторов, не повторяют друг друга, представляют самостоятельный научный интерес. Весьма интересно было бы поставить такие работы в районах бывших Бухары и Хивы, где до Октябрьской революции господствовал феодальный строй, где «многостепенность», по выражению Энгельса, феодальных форм зависимости была во всех своих градациях и где переход к социализму был скачком, еще более огромным, чем в районах бывшего Туркестанского генерал-губернаторства.

Сложность задачи монографического изучения еще более повысится если мы перейдем к изучению целых районов и более обширных единиц, а эта задача, очевидно, очень скоро встанет перед нами. Решать ее вряд ли будет под силу одним этнографам. Встанет и уже встала во весь рост необходимость организации широких исследований комплексного характера с привлечением экономистов, историков, лингвистов, фольклористов. Методика проведения этих работ и их оформление для печати должны быть разработаны специально. Мне представляется, что их итоги должны публиковаться не в виде монографий, а в виде монографических сборников, отдельные статьи которых сохраняют особенности, свойственные различным наукам и порождаемые их специальными задачами и спецификой их источников.

Неотложной задачей дальнейшего изучения колхозного крестьянства является развертывание тематических исследований, которые дадут возможность углубить изучение наиболее актуальных вопросов. Такие исследования являются уже вторым этапом работы и пока еще не получили должного развития. Они были начаты позже, и к настоящему времени их итоги можно подвести лишь в самых общих чертах.

Одной из актуальных проблем тематических исследований является разрабатываемая Т. А. Жданко проблема образования новых этнографических территорий на землях нового орошения, где поселяются представители различных народностей и происходит слияние различных культурных традиций. Проследить этот процесс, происходящий на наших глазах, выявить закономерности слияния культур этнических групп в условиях социалистического общества — интереснейшая задача, решить которую могут только этнографы. Образование новых этнографических районов происходит сейчас во многих частях нашей страны.

Процесс переселения жителей горных районов, природные условия которых не способствуют развитию хозяйства, на равнинные, вновь орошаемые земли происходит в Таджикистане. Подобные мероприятия проводятся и в других республиках. Изучить сложение нового культурного уклада переселенцев представляется одной из важных задач изучения колхозного крестьянства. Нужно только иметь в виду, что изучение этого процесса, протекающего сейчас, на наших глазах, не может быть осуществлено в короткий срок. Требуются многолетние и достаточно широкие наблюдения, которые, несомненно, приведут к важным в научном и практическом отношении выводам.

В качестве проблем для тематического исследования Институт этнографии АН СССР выдвинул две: проблемы жилища и семьи, в том числе жилища и семьи колхозного крестьянства. Исследование этих вопросов ведется во многих республиках Советского Союза. В Узбекистане, в частности, в этом году заканчивается подготовка монографии «Семья и семейный быт передовых колхозов северо-востока Ферганской долины». Важным объектом тематических исследований являются также сложившиеся на базе колхозного строя социалистические отношения, сменившие отношения, свойственные феодальному обществу. Проведение подобной работы в Узбекистане на базе одного колхоза не исключает дальнейших исследований, а, наоборот, доказывает всю актуальность изучения этой проблемы на материале других колхозов и районов. Постановку таких исследований особенно приветствуют историки и экономисты, которые, отражая в своих трудах свойственный их науке круг вопросов и источников, очень нуждаются в дополнении их живыми и яркими этнографическими материалами, получаемыми путем непосредственного общения с людьми — носителями социалистических отношений.

Сохранение народами Советского Союза национальных особенностей, конкретные формы перехода к новому быту, объясняющиеся своеобразием исторического пути, пройденного тем или иным народом или этнической группой, выдвигают задачу этнографического изучения современной жизни отдельных национальных или этнических групп путем сплошного обследования районов их поселения. Подобные исследования в еще большей степени, чем монографические, должны включать изучение не только современной, но и прошлой жизни, характеристику дореволюционной культуры и быта, сохранявших отсталые, архаические черты, изучение которых поможет пролить свет на историю и этногенез данной группы. В то же время сопоставление этих архаических черт с современным бытом ярко обрисовывает громадные сдвиги, порожденные Октябрьской революцией и победой колхозного строя. В этом плане проводится работа в Таджикистане. Пока опубликованы лишь предварительные отчеты, в которых отмечается, что изучалось как прошлое, так и настоящее обследованных групп таджикского и узбекского народов (в Кулябе, Гарме и др.). В Узбекистане изучение колхозов с кыпчакским в прошлом населением проводилось вторым отрядом Ферганской этнографической экспедиции, возглавлявшимся В. Г. Мошковой, и прекратилось со смертью последней. Среди проблем, связанных с изучением современной жизни кыпчаков, теперь вошедших в состав узбекской нации, наиболее важной является проблема перехода бывших полукочевников-скотоводов к интенсивному земледелию хлопководческого направления. В этом же плане можно рассматривать статью Я. Р. Винникова о белуджских колхозах¹⁰. Весьма желательно было бы эту работу продолжить и углубить с целью создания монографии, охватывающей все стороны жизни и быта белуджей в прошлом и настоящем. К этому типу исследований можно отнести и диссертационную работу Л. С. Толсто-

¹⁰ «Советская этнография», 1952, № 1.

вой, посвященную вопросам этногенеза и истории культуры фергана каракалпаков. Изучение современной жизни каракалпакских коул в Фергане является необходимой второй частью этого исследования, которая, надо надеяться, будет выполнена в будущем.

Изложенное показывает многообразие, значительность и сложность задач, которые стоят перед этнографами, работающими в области изучения колхозного крестьянства. Вступив на этот путь, мы убеждены, что к каким широким перспективам научного исследования он нас ведет, как способствует нашему теоретическому росту, в какой степени повышает авторитет этнографии как науки, поднимающей острые, актуальные проблемы и выполняющей важную роль в общей задаче советского народа — коммунистическом строительстве.
